

Проблема взаимопонимания в творчестве Ю. М. Лотмана и русский язык сегодня

Вербицкая Л. А. *

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
president@pu.ru

Статья посвящена памяти Ю. М. Лотмана, который слушал лекции на филологическом факультете Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета еще школьником, а в период так называемого «Ленинградского дела» (1946–1950) был студентом филфака. Акцентируется внимание на связи проблем человеческого общения, взаимопонимания с состоянием русского языка в наше время. Констатируются перемены, произошедшие за последние два десятилетия в стилистике и лексике русского языка и указывается на глубинную связь языка, культуры и взаимопонимания в обществе. Приводятся примеры неоправданных заимствований и вульгаризации современной русской речи. Утверждается, что разумная языковая политика в отношении литературного языка – это борьба не только и не столько за его чистоту, сколько за сохранение национального культурного наследия, самосознания нации, и что сохранение языка – это без преувеличения проблема безопасности страны.

Ключевые слова: литературный язык, культура, лексика, интеллигентность, общество

Петербургский университет с гордостью называет Ю. М. Лотмана универсантом. Так мы называем тех, кто учился в нашем университете, учится сейчас, работает в нем, всех тех, кому университет дорог.

Юрий Михайлович слушал лекции на филологическом факультете еще школьником. И это были лекции знаменитого Г. А. Гукковского. С 1939 по 1940 год он учился у таких блестящих филологов, как В. Ф. Шиш-

Для цитаты:

Вербицкая Л. А. Проблема взаимоотношения в творчестве Ю. М. Лотмана и русский язык сегодня // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 20. № 4. С. 96–104. doi: 10.17759/pse.2015200409

* Вербицкая Людмила Алексеевна. Доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: president@pu.ru

марев, Л.В. Щерба, В.М. Жирмунский, В.Я. Пропп, М.К. Азаровский, Б.М. Эхенбаум, Б.В. Томашевский. В 1940 году был призван в армию и вернулся в университет в 1946 – после окончания войны и демобилизации. До 1950 года Юрий Михайлович – студент филфака, руководитель студенческого научного общества. То время было очень трудным в жизни нашего города и университета: годы так называемого «Ленинградского дела», борьбы с генетикой и кибернетикой, с космополитизмом. Поэтому четырехсотметровый коридор Главного здания университета называли «арестометром», так как фактически до 1953 года по нему вводили арестованных студентов и преподавателей. После окончания учебы найти работу в Ленинграде Ю.М. Лотман не мог и в 1950 году он становится старшим преподавателем Пединститута в Тарту.

Был еще один период в жизни Юрия Михайловича, когда довольно тесной была связь с его «Alma mater». Комплекс новых идей начала 60-х годов – кибернетика, структурализм, машинный перевод, искусственный интеллект – сблизил очень многих: и московских семиотиков (В.Н. Торопов, В.В. Иванов, И.И. Ревзин), организовавших в 1962 году симпозиум по изучению знаковых систем, и сотрудников кафедры фонетики филологического факультета ЛГУ и Юрия Михайловича. Мы помним, что власти не одобряли эту деятельность, и это не могло не сказаться на судьбе многих участников. Но сегодня мы, читая труды Ю.М. Лотмана, испытываем огромный интерес к его личности и радуемся тому, что он был.

Прошло более 20 лет с того времени, как ушел Ю.М. Лотман, однако значение его работ, притягательность его личности не меркнут, не утрачивают своей значимости и актуальности. Наука всегда в поиске, меняются ее парадигмы, и был период, когда казалось, что Лотман несколько потеснен в ее памяти. Но чем дальше, тем яснее, что это не так. «Большое видится на расстоянии» – по прошествии времени значение учения Ю.М. Лотмана становится все более отчетливым.

В своей последней книге «Непредсказуемые механизмы культуры», изданной Таллинским университетом, Ю.М. Лотман

снова повторяет одно из важных положений: «Тартусско-московская школа исходно основывалась на изучении языка» (с. 66). И хотя он добавляет: «...и это сделало закономерным ее стремление выйти за пределы строго лингвистических структур», от лингвистических основ и сам Юрий Михайлович, и школа никогда не отказывались. Многие его положения здесь остаются актуальными, не только демонстрируя единство филологической науки, но и позволяя понять и упорядочить в познании разнообразные явления нашего языкового существования.

Эти явления связаны, прежде всего, с проблемой, которая занимала в творчестве Лотмана одно из центральных мест. Это проблема человеческого общения, проблема взаимопонимания. Он пишет: «Память человека индивидуальна, вернее, составляет сложную иерархическую структуру, расположенную между памятью вида и индивидуальной памятью, информативной лишь для “меня одного”». Момент индивидуальности в говорении создает в любом человеческом диалоге элемент затрудненности в понимании. Вообще всяческий человеческий диалог превращается в разговор на языках, лишь в определенной степени адекватных друг другу. Описание диалогической структуры таит в себе огромные трудности. Но именно они лежат в основе человеческого общения» (с. 38).

Учет этого положения требует, прежде всего, максимальной заботы о состоянии литературного языка как несомненной базы, обеспечивающей взаимопонимание на уровне общей национальной памяти, носителем которой язык является. Хорошо известно, что за пределами русского литературного языка находится большой массив языка национального, внутринациональные типы речевых культур, порожденные разными объемами социокультурной памяти. Академик Никита Ильич Толстой [10] связывал существование просторечия (полукультура), диалектов и жаргонов (субкультуры) и арго (антикультура) с культурными потребностями и реалиями различных групп населения нашей огромной страны. Этот срез языка используется как информационный резерв для создания образов персонажей из определенной со-

циальной среды, сообщения речи повышенной экспрессии. На литературный язык, в разные эпохи, в силу социальных причин, с этой стороны оказывается влияние, что было особенно характерно для постсоветского времени. В определенный момент стало казаться, что в литературный язык входят слова и словосочетания такого типа, как туфта, разборки, забить стрелку, кинуть (кого-нибудь), в прикиде, беспредел, клево, балдеть, возбужать, все у нас заутюжено, облом, нахалюва, лох, дурку пороть.

Однако время показало, что многое исчезло (туфта, все у нас заутюжено, возбужать, дурку пороть), а то, что осталось, употребляется только в особых ситуациях повседневного общения (тусовка, двурушник, наехать). Вместе с тем появились новые, примитивные, вульгарные слова и выражения: быдло, пацан, фотка (и даже сфоткать!), хавать, слюни пускать, катить на кого-то, прикалываться, сечь поляну, не прокатит, устаканиться, на кой, ваще. Активизировалось применение тюремноворовского жаргона, который зачастую используется не только в устной речи, но и в печатных изданиях: беспредел, мент, бабло, бабки, подстава и подставить, кинуть, опустить, у параша... Более вульгарными стали даже слова-паразиты: если раньше самыми частотными были: это самое, так сказать, то есть, собственно говоря, фактически, – то теперь гораздо чаще звучат: блин, прикинь, типа, ну ваще, прикольно, короче, как бы. Использование такого языка, к сожалению, свидетельствует о скудости мысли и о крайне низком уровне культуры.

Однако законы языкотворчества даже в такую переменчиво-перестроенную эпоху, как наша, не настолько слабы и уступчивы, чтобы сменить веками наработанную языковую культуру на грязную пену уличного мата. Мы наблюдаем, что в наши дни «...матерится интеллигенция, бизнес, правительство, матеряются в книгах писатели – юные и преклонных лет. И та часть новых русских, которая еще недавно жила в “местах, не столь отдаленных”, чувствует себя, как дома. Лагерный язык становится обычным, нормативным языком», – говорит Эдвард Радзинский. Нельзя не согласиться с мнением директора института психологии РАН Анатолия Журавлева:

«Повсеместное распространение мата чревато тем, что мы получим поколение, нечувствительное к красоте, не подготовленное к эстетическому восприятию... Это один из видов психологического насилия... Отсюда и рост преступности». Мат стал сейчас социально гораздо более приемлемым, чем когда-либо, а слово блин, эвфемизм ругательства бл...ь, давно называют в шутку русским артиклем. Из уст изящных молодых женщин этот блин звучит особенно тошнотворно.

В связи с этим вспоминаются указания Ю.М. Лотмана относительно того, что значительные изменения в составе, прежде всего, лексики опасны и, может быть, не столько для языка, сколько для культуры: они вторгаются в тот языковой код, который связывает поколения русских людей, сохраняя для них русскую классическую литературу. Утрата «общего языка» чревата ее потерей, невосполнимостью урона, который наносится национальной ментальности. Таким образом, сам язык, его носители, разумная языковая политика в отношении литературного языка – это не только и не столько борьба за его чистоту, сколько за сохранение национального культурного наследия, самосознания нации. Сохранение языка – это без преувеличения проблема безопасности страны.

Другой аспект языкового состояния – заимствования. В истории русского языка были периоды существенного пополнения лексики за счет заимствований. Заметную роль в XVII–XVIII веках (в связи с реформами Петра I) сыграли слова из германских языков (немецкого, английского, голландского), а также из романских языков (например, французского, итальянского, испанского). К немецким относится ряд слов торговой, военной, бытовой лексики и слов из области искусства, науки и т. д.: вексель, штемпель; ефрейтор, лагерь, штаб; галстук, штилеты, верстак, стамеска, фуганок; шпинат, рюкзак, бутерброд, шлагбаум; мольберт, капельмейстер, ландшафт, курорт. Голландскими являются некоторые мореходные термины: буер, верфь, вымпел, гавань, дрейф, лоцман, матрос, рейд, флаг, флот и др. К французским относятся отдельные заимствования XVIII–XIX веков, например, бытовые слова: браслет, гардероб, жилет, паль-

то, трико; бульон, мармелад, котлета, туалет, а также слова из военной лексики, искусства и т. д.: артиллерия, батальон, гарнизон, канонада; актер, афиша, пьеса, режиссер. Из английского языка вошли в русский некоторые морские термины: мичман, бот, бриг, – слова, связанные с развитием общественной жизни, техники, спорта и т. д., например: бойкот, лидер, митинг; тоннель, троллейбус, баскетбол, футбол, спорт, хоккей, финиш; бифштекс, кекс, пудинг и др. Особенно распространились английские слова (часто в американском варианте) в 90-е годы XX века в связи с экономическими, социальными и политическими преобразованиями в российском обществе (компьютер, дисплей, бартер, брокер, дилер, римейк, ток-шоу, андеграунд, рейтинг, импичмент, лобби). Однако сегодняшний наплыв американизмов, переполнивших экономическую, коммерческую, финансовую, музыкальную лексику, язык рекламы и средств массовой информации, трудно сравнить с любым другим периодом развития русского языка.

Они наводнили наш язык в первые постсоветские годы, затрудняя общение, будучи в своей массе непонятными для носителей языка. Это было объяснимо: кардинально менялась экономика, нужна была новая терминология, входящая не только в язык науки, но и в повседневное общение, само общество меняло свой облик, сближаясь с Западным миром, иной становилась сфера товаров и услуг – во всем можно было воспользоваться готовыми номинациями, что и происходило. И здесь достаточно скоро произошел «повсев» – усвоено было только то, что полезно и становилось понятным. Сейчас обозначились области, где заимствования занимают значительное и, видимо, обоснованное место – например: компьютерные технологии (принтер, сайт, блог и т. п.), области менеджмента, торговли, искусства (триллер, дилер, клиринг, брокер, фьючерс, римейк, видеоклип, шоумен, андеграунд, дистрибьютор). Там сложился и свой контингент говорящих.

Вместе с тем неоправданным представляется употребление заимствованных слов, когда у них есть русские эквиваленты: бизнесмен – предприниматель, консенсус – согласие, легитимность – законность, толерант-

ность – терпимость, киллер – убийца, стагнация – застой, шопинг – покупки, креативный – творческий, коммуникация – общение, парковка – стоянка, импонировать – нравиться, инвестировать – вкладывать, секьюрити – охрана, и т. п.

Особенно курьезно выглядят названия рабочих вакансий, среди которых главное слово – менеджер: менеджеры по клинингу (уборщицы), менеджеры по продажам, по работе с клиентами, сэйлз-менеджеры, акаунт-менеджеры, ивент-менеджеры.

Не могут не вызвать неприятия «упс» и «вау», хотя некоторые заимствованные слова стали частотными и практически вошли в русский язык: кофе-брейк, саммит, бренд, отель, гастарбайтер, топ-менеджер, холдинг и т. д.

Но обозначаются и новые, видимо, более глубокие явления. Так, на глазах создается массив «привлекающих номинаций», который уже получил имя «бономенов». Речь идет о распространении таких номинаций, которые подчеркивают «те качества речи, которые видятся номинатору наиболее полезными, выгодными или уникальными», и фиксируют «внимание реципиента на этих качествах» [3]. Примеры многочисленны от фитнес-клуба (спортивный клуб), витаминно-кальциевого комплекса (витамины) до модели начального уровня (простая модель) или менеджера по оптовым продажам (оптовый продавец) и т. п. Это явление рассматривается как влияние отраженных в языке особенностей национального самосознания американцев на «русское культурно-языковое пространство». Однако понимание влияния в данном случае требует пояснения в духе того, о чем говорил Ю.М. Лотман. В современной России меняются общественные, экономические отношения, переживается сдвиг в общественном сознании, порождающий изменения во взаимоотношениях с окружающим миром. По наблюдениям Ю.М. Лотмана, подобного рода заимствования могут происходить только тогда, когда национальная культура уже «созрела» для того, чтобы сделаться принимающей стороной [6]. Таким образом, и в этом вопросе отмеченные им типологические явления позволяют глубже проникнуть в существо происходящих явлений. Подобного рода взаимодействия культуры –

именно взаимодействия, а не элементарные взаимодействия – органично способствуют и самопознанию, и пониманию людей другой культуры.

Культура для Ю.М. Лотмана – понятие коллективное. Он считал, что конкретный человек может быть носителем культуры, может активно способствовать ее развитию, но по своей природе культура, как и язык – явление общественное, т. е. социальное. Она всегда связана с историей и всегда свидетельствует о непрерывности интеллектуальной, нравственной, духовной жизни человека, общества, человечества.

В национальном языке отражается вся жизнь народа, история его материальной и духовной культуры. Язык содержит в себе сведения об истории и культуре нации. Воздействие культуры на язык очевидно, но и язык, в свою очередь, оказывает влияние на культуру, что дает возможность изучения культуры народов через язык и речь. Язык выступает важным средством закрепления результатов практической и теоретической деятельности человека, он отображает уровень духовно-практического освоения человеком окружающего мира. В лингвистической культуре общества закреплён прошлый опыт действий и размышления о различных вещах определенными способами. Лексика общества воплощает в себе уровень культурного развития данного народа, способы восприятия мира. Лексика тесно связана с культурой общества и оказывает влияние на мировоззрение людей.

Трудно не согласиться с проф. В.А. Аннушкиным [1], который в своем докладе 2009 года прекрасно обозначил значение языка в жизни общества. Он говорил, что роль и значение языка, речи, слова для народной жизни, здоровья и благоденствия общества огромно. Язык – это отражение народного духа, состояния интеллекта и образованности, общественного и личного настроения, воли, всех движений души, стиля жизни современного общества. Можно с уверенностью сказать: каковы слова, которые мы слышим и читаем вокруг себя, таков и наш внутренний комфорт, общественно-психологический настрой. Одним словом, каков язык, такова и жизнь.

Язык – не просто система знаков, а инструмент организации жизни общества и человека. Он – средоточие и выразитель всей народной жизни, ее духа и сегодняшнего состояния. Каков язык – таков и человек, таково и общество. Через язык выражается вся сущность человека: мысли, чувства, воля, дела. Стиль жизни формируется стилем речи, создающим общественный настрой.

Всякая интеллектуальная профессия связана с языком. Например, политика есть общение, искусство объединять людей, а достижение этого возможно только с помощью слова. Поэтому слово – главное орудие политика. Успех в предпринимательстве связан с речью, ибо всякое дело организуется через слово. То же самое можно сказать о речевом труде учителя, врача, юриста, военного. Лидерство в культурном и экономическом соревновании получают те страны, в которых развит язык (точнее, технологии и формы речевой коммуникации) и нормализована речевая этика общества. Культура реализует себя через язык, а хорошая речь может основываться только на культуре. Культура обобщает положительный опыт речевого творчества, указывает способы оптимального пользования речью.

В начале XXI века мы ясно ощущаем, что живем в новом стиле. Каков же он, этот новый стиль? Мы не можем не замечать, что на наших глазах скудеет наш прекрасный, удивительно богатый, яркий, образный русский язык. Безграмотность, бедный словарь, отсутствие логики, грубость, ненормативная лексика, примитивная аргументация – вот черты современной русской речи. А ведь «...речь человека – это лакмусовая бумажка его общей культуры, владение литературным языком составляет необходимый компонент образованности, интеллигентности...» [2].

Правильная, красивая, убедительная речь – неотъемлемая черта интеллигентного человека. Интеллигентный человек характеризуется особым, человеческим отношением к миру и людям, привязанностью к своему народу, к своей родине, к своей культуре и уважением к культуре других народов, развитым чувством справедливости, чести, совести, чувством независимости (в частности,

социально-независимой позицией и способностью отстаивать эту позицию).

Интеллигентность проявляется в желании не обидеть человека, в умении уважительно спорить, в умении незаметно помочь другому. Тема интеллигентности объединяет Ю.М. Лотмана с Д.С. Лихачевым. Важная черта интеллигентного человека, считал Ю.М. Лотман, – чувство стыда. Интеллигентность развивает чувство стыда, отсутствие интеллигентности – чувство бесстыдства. По мнению Ю.М. Лотмана, лидирующее чувство интеллигента – стыд, а неинтеллигента – страх. Свою вину ваяют обычно на других, на своих предшественников люди неинтеллигентные. Интеллигентность на протяжении нашей истории пытались искоренить, но ничего не вышло, потому что она рождается вместе с человеком. Академик Д.С. Лихачев в своей книге «Письма о добром и прекрасном» утверждал, что «Образованность живет старым содержанием, интеллигентность – созданием нового и осознанием. Больше того... Лишите человека всех его званий, образованности, лишите его самой памяти, но если при всем при этом он сохранит восприимчивость к интеллектуальным ценностям, любовь к приобретению знаний, интерес к истории, вкус в искусстве, уважение к культуре прошлого, навыки воспитанного человека, ответственность в решении нравственных вопросов и богатство и точность своего языка, разговорного и письменного, – вот это и будет интеллигентность; нация, которая не ценит интеллигентности, обречена на гибель» [4].

Культура – великое богатство, накопленное человечеством как в материальной, так, в особенности, в духовной жизни людей. Мерой культуры и воспитанности человека и является его интеллигентность. Шекспир и Пушкин независимо друг от друга пришли к одному выводу: причины всех бед человеческих – в невежестве. Именно интеллигентность – антипод хамству и невежеству. В каждой стране есть свои культурные традиции. Говорить о культуре – значит говорить о духовности как об одной из главных особенностей русского национального характера. Россия всегда

была богата великими духоборцами, постоянно нравственными исканиями, возвышающими человека.

Язык – это форма существования сознания, и преобладание примитивного, агрессивного, грубого языка говорит о соответствующем состоянии сознания нации. «Обращаться с языком кое-как – значит мыслить кое-как: неточно, приблизительно, неверно» [9]. Единственный способ справиться с этими проблемами состоит в изменении отношения к языку, в нахождении способа выработать в людях способность пользоваться богатым, красивым языком, тем самым подняв на другой уровень и их сознание.

Все общение и взаимопонимание между людьми даже на одном языке определяется не только лексикой, интонацией, стилем и другими языковыми явлениями, но и их базовым кругозором, психологией, воспитанием и массой других обстоятельств. В трудах Ю.М. Лотмана отмечается еще одно явление, получившее название «Текст в тексте», позднее рассмотренное в самых разных аспектах в трудах русских и зарубежных исследователей (Ю. Кристева, В.Н. Телия, В.В. Красных и др.). Известное с давних времен как *центон*¹, оно оказалось непосредственно связанным с постмодернизмом. Здесь, как никогда, проявилось качество отдельных эпох, по словам Ю.М. Лотмана, «...целиком или в значительной мере» ориентированных «...на тропы, которые становятся обязательным признаком всякой художественной речи» [5].

Хорошо известно определение Ю.М. Лотмана: «Текст в тексте – это специфическое риторическое построение, при котором различие в закодированности разных частей текста делается выраженным фактором авторского построения и читательского восприятия текста. Переключение из одной системы семиотического осознания текста в другую на каком-то внутреннем структурном рубеже составляет в этом случае основу генерирования смысла» [5, с.155].

Известно, что в постмодернизме это (прецедентное) явление оказывается ведущим

¹ *Центон* (лат. *cento* – одежда из разноцветных лоскутков), стихотворение, составленное из строк других стихотворений (<http://yandex.ru>).

приемом. Сегодня кажется, что этот прием потерял свою остроту, как и постмодернизм в целом. Однако и в художественной литературе, и в публицистике он по-прежнему используется, что объясняется его большим информационно-воздействующим потенциалом и тем, что, по наблюдениям Ю.М. Лотмана, органично определяется самой природой текста как поликодового образования. Он пишет: «Смыслообразующие процессы протекают как за счет взаимодействия между семиотически разнородными и находящимися в отношении взаимной непереводимости пластами текста, так и в результате сложных смысловых конфликтов между текстом и инородным для него контекстом [7, с. 155].

При этом семиотически разнородными могут стать те пласты текста, которые воспринимаются как таковые. Лингвистика и обратилась к изучению тех воспроизводимых речевых единиц/прецедентных феноменов, которые распознаются адресатом как чужие для данного текста, ассоциируемые с тем текстом, которым они порождены и в котором они обладают своим речевым смыслом. Таким образом, процесс взаимопонимания, который является основным предметом нашего сообщения, в настоящее время очень усложняется за счет широкого использования инородных включений, нераспознавание которых ведет к обеднению понимания смысла текста или к его непониманию вообще.

Приведем пример из рассказа современного писателя Владимира Сотникова:

«Он стал приезжать сюда каждый год, в одно и то же время <...> В прошлом году произошла странная встреча. Также падал снег, и вдоль парапета медленно прогуливалась девушка с маленькой белой собачкой, которая была почти неотличима от снега. Никого больше не было на набережной. И Тенишев подумал о том, что все обстоятельства жизни, в сущности, не изменяются. Он так же, как когда-то человек по фамилии Гуров, приехал в Ялту и встретил на набережной даму с собачкой. А вот живые наполнения этих обстоятельств... Те наполнения, которые создают новую жизнь, не могут повторяться, он не познакомится с девушкой, хотя чувствует, будто его подталкивают к ней на

встречу. Они не станут встречаться, не будут ездить в Ореанду, не увидятся потом в Москве. Почему-то он чувствовал себя тем же Гуровым, но постаревшим на сто лет, на этот прошедший век...» [8].

Все в этом тексте происходит так, как о приеме писал Ю.М. Лотман: один текст предстает как имеющий реальный денотат (в прошлом году произошла странная встреча...), другой – вводится в него фрагментами крымской истории Гурова, тоже как реальной, но произошедшей сто лет назад. Повествование предполагает, что читатель восстановит второй текст, и это сделает понятным выход из мира действительности в сферу ментального мира – мира размышления персонажа. Наблюдение за включением «чужих текстов» убеждает, что обращение к ним чаще всего как раз и становится своего рода кодированием того второго мира – внутренней жизни, мира мысли и чувств, который, собственно, и определяет сущность художественного текста.

Краткий анализ приведенного отрывка имеет в нашем сообщении не самоценное значение, он относится к теме *общения и взаимопонимания*. Современная литература (это касается и «качественной» публицистики) требует высокого уровня гуманитарной культуры. Речь в этом отношении идет, прежде всего, о непреложном значении классики и определении того круга современных авторов, которые смогли «задержаться» в литературе и языке своим проникновением во внутренний мир современника (что сделало не таким уж одиозным призыв к созданию списка ста наименований художественных произведений для «всенародного» прочтения и появления этого списка).

Итак, мы обратились лишь к самым тривиальным аспектам языкового существования, хрестоматийно рассматриваемым в теме «русский язык сегодня», но попробовали взглянуть на них со стороны тех типологических явлений, которые изучались Ю.М. Лотманом в стройной системе взаимодействия: язык–текст–литература/культура, что (на наш взгляд) позволило яснее увидеть их внутренние связи, способствующие главному качеству человеческого общения – взаимопониманию.

Литература

1. Аннушкин В.И. Сохранение и развитие языковой культуры: нормативно-правовой аспект (Из текста доклада, прочитанного на заседании Комиссии государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации С.М. Миронове 16 октября 2009 года по одноименной тематике). URL: <http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=931>
2. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка. Л.: Наука (Ленингр. отд-ние), 1978. 240 с.
3. Григорян А.Э. Привлекательные номинации: в погоне за впечатлением // Русский язык за рубежом. 2013. № 1.
4. Лихачев Д.С. «Письма о добром и прекрасном». М.: Дет. лит., 1989. 140 с.
5. Лотман Ю.М. Риторика // Ю.М. Лотман. Избранные статьи: в 3 т. Т.1. Таллин: «Александра», 1992. 478 с.
6. Лотман Ю.М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Ю.М. Лотман. Избранные статьи: в 3 т. Т.1. Таллин: «Александра», 1992. 478 с.
7. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Предисл. С.М. Даниэля; сост. Р.Г. Григорьева. СПб.: Академический проект, 2002. 543 с.
8. Сотников В.М. Фотограф. М.: Эксмо, 2010. 288 с.
9. Толстой А.Н. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т.13. М.: ГИХЛ, 1948–1951. 676 с.
10. Толстой Н.И. Язык и культура (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция, Москва, 20–23 мая 1991 г. Доклады. Ч. 1. М., 1991. С. 5–22.

The Issue of Relationship in Lotman's Writing and the Russian Language Today

Verbitskaya L. A. *,
St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
president@pu.ru

The article is devoted to the memory of Y.M. Lotman, who attended lectures at the Faculty of Philology of the St. Petersburg (Leningrad) University as schoolboy, was a student of philology during the so-called "Leningrad Affair" (1946-1950). The article highlights the link between communication, mutual understanding, and the Russian language nowadays. The author notes the changes that have occurred over the past two decades in the style and vocabulary of the Russian language and points to the deep connection between language, culture and understanding in society. The article gives an examples of improper borrowing and vulgarization of the modern Russian language and argued that a reasonable literary language policy is a struggle not only and not so much for its purity, but for the preservation of national cultural heritage and identity of the nation. Preservation of the language is definitely an issue of the country security.

Keywords: literary language, culture, vocabulary, intelligence, society

For citation:

Verbitskaya L.A. The Issue of Relationship in Lotman's Writing and the Russian Language Today. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2015, vol. 20, no. 4, pp. 96–104 (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/pse.2015200409

*Verbitskaya Lyudmila Alekseevna. Dr. Sci. (Philology), Professor, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, e-mail: president@pu.ru

References

1. Annushkin V.I., Sokhranenie i razvitie yazykovo-kul'tury: normativno-pravovoi aspekt (Iz teksta doklada, pročitannogo na zasedanii Komissii po gosudarstvennoi kul'turnoi politike pri Predsedatele Soveta Federatsii S.M. Mironove 16 oktyabrya 2009 goda po odnoimennoi tematike)[Elektronii resurs] [Preservation and development of the language culture: legal and regulatory aspect]. <http://www.ve-rav.ru/common/mpublic.php?num=931> (Accessed 15.12.15)
2. Gorbachevich K. S. Variantnost' slova i yazykovaya norma: Na materiale sovremennogo russkogo yazyka. [Variants of the word and the language norm: on the material of the modern Russian language]. Leningrad: Nauka (Leningr. otd-nie), 1978. 240 p.
3. Grigoryan A.E. Privlekatel'nye nominatsii: v pogone za vpechatleniem. [Attractive nominations: in chase of impression]. *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 2013, no. 1.
4. Lihachev D. S. «Pis'ma o dobrom i prekrasnom» [Letters on good and beautiful]. Moscow, 1989, 140 p.
5. Lotman Yu.M. Ritorika [Rhetoric]. In Lotman Yu.M. *Izbrannye stat'i. T.1.* [Selected works]. Tallinn: «Aleksandra», 1992. 478 p.
6. Lotman Yu.M. Problema vizantiiskogo vliyaniya na russkuyu kul'turu v tipologicheskom osveshchenii. [On Byzantine influence in Russian culture: typologic aspect]. In Lotman Yu.M. *Izbrannye stat'i v trekh tomakh. T.1.* [Selected works]. Tallinn: «Aleksandra», 1992. 478 p.
7. Lotman Ju. M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva [Articles on semiotics of culture and arts]. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2002. 543 p.
8. Sotnikov V.M. Fotograf. [Photographer]. Moscow: Eksmo, 2010. 288 p.
9. Tolstoi A. N. Polnoe sobranie sochinenii v 15 tomakh. [Complete works in 15 volumes]. T.13. Moscow: Publ. GIKhL, 1948–1951. 676 p.
10. Tolstoi N.I. Yazyk i kul'tura (Nekotorye problemy slavyanskoi etnolingvistiki) [Language and culture. Some problems of Slavonic ethnolinguistics]. *Russkii yazyk i sovremennost'*. Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki. Vsesoyuznaya nauchnaya konferentsiya (Moskva, 20–23 maya 1991 g.) [Russian language and modernity]. Moscow, 1991. Ch. 1, pp. 5–22.